

II. Историки

УДК 908

ЖИТИЯ СВЯТЫХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.М. КАРАМЗИНА И М.П. ПОГОДИНА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Гжибовская Ольга Вячеславовна,
кандидат исторических наук, доцент

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела
Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская 26 а

В статье на основе трудов Н.М. Карамзина и М.П. Погодина рассматриваются жития святых как исторический источник.

Ключевые слова: жития святых, Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, исторический источник.

Российская наука к моменту зарождения отечественной критической агиографии была еще очень молодой. Главным предметом исторической критики явилось прошлое родной страны, над которым работало наибольшее число русских ученых. Поэтому внимание историков сосредоточилось на тех источниках, которые бы могли помочь в подтверждении или опровержении теорий происхождения Руси, а также в изучении истории быта и традиций славянских народов. Вопрос о степени изученности различных исторических памятников является одним из ключевых в историографических оценках историков XIX века [1].

Ответ на вопрос о том, кто первый «заметил» жития и стал включать эти тексты в историописание, заключается в области развития российской исторической науки, т.е. у многих авторов, начиная с XVII–XVIII вв., жития фигурировали в плане цитирования как исторический источник. Так жития фигурируют в качестве исторического источника в работе А.И. Лызлова «Скифская история» [2]. В проекте учреждения «Исторического департамента для сочинения истории и географии Российской империи» (1744) Герард Фридрих Миллер, намечая план изучения и публикации источников, из десяти разрядов источников четвертое место отвел житиям святым [3]. К числу известных российских ученых XIX столетия, обратившихся к изучению агиографического жанра, с разной долей внимания к данным текстам

относят Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского и многих других.

За невнимание к житиям как к историческим источникам «упрекали» самых именитых ученых XIX века. В 1880-х гг. Н.П. Барсуков отмечал: «Наука давно признала жития святых одним из важнейших своих источников. Еще в начале 1840-х годов знаменитый археограф П.М. Строев писал: «Жития святых русских, в разные времена сочиненные, переделанные, дополненные, представляют собой богатый, почти непечатый запас для истории общежития, мнений и поверьев прежней Руси, и даже в них есть много фактов, незамеченных бытописателями. ... Кто соберет все жития святых Русских, сказания об иноках и крестах, отдельные описания чудес и тому подобное и прочтет все это со вниманием и критикой, тот удивится богатству этих исторических источников. Карамзин лишь воспользовался только тем, что случайно попало ему под руку; но чего не извлек бы этот великий муж, если бы приготовлено было наперед полное собрание их» [4]. Замечания Н.П. Барсукова и процитированного им П.М. Строева вполне справедливы и в отношении того, что жития до появления серьезных исследований второй половины XIX века были знакомы историкам, и в отношении того, что далеко не все именитые ученые, работавшие над историей России, относились к этому источнику внимательно из-за отсутствия источниковедческих разработок и археографических изданий. Другой историк литературы, И.С. Некрасов, писал: «Изучавшие русскую историю, занятые по преимуществу чисто историческими памятниками [ученые], очень мало обращали внимание на жизнеописания. [Н.М.] Карамзин, с которого начинается эта школа, слишком мало сделал указаний на жизнеописания» [5]. Помимо Н.М. Карамзина, в невнимании к житиям «упрекали» и Н.И. Костомарова. В разборе сочинения Н.И. Костомарова «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» [6] Ф.И. Буслаев делает замечание автору о том, что он слишком доверился иностранным путешественникам, недостаточно проверяя их по русским источникам: «Едва ли не самый важный источник для истории русских нравов и обычаев, даже вовсе не замеченный Костомаровым – эти жития святых. И на западе, где так много всяких других источников и художественных памятников старины, жития святых по достоинству оценены как необходимые материалы для истории не только церкви, но и государства и культуры. У нас же при бедности в письменных и монументальных материалах и при отсутствии легкой повествовательной литературы жития святых имеют еще большее значение и как художественное его воссоздание» [6:149]. Эти и многие другие замечания часто звучали от учеников в адрес знаменитых учителей и наставников, однако те, кто закладывал основы

русской агиографии, так или иначе опирались на опыт своих предшественников, в том числе в области изучения житий святых. Это в полной мере относится к двум известным ученым Н.М. Карамзину и М.П. Погодину.

Известный русский историк первой половины XIX века Н.М. Карамзин и его труд «История государства Российского» может послужить иллюстрацией того, как летописный материал в эту эпоху заслонял собой материал агиографический. В тексте Предисловия к своей «Истории», в разделе «Об источниках российской истории до XVII века», Н.М. Карамзин отметил, что «жития святых, в Патерике, в Прологах, в Минеях, в особенных рукописях» есть источник, подлежащий исторической критике. «Многие из сих биографий, – пишет ученый, – сочинены в новейшие времена; некоторые, однако, например, Святого Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в Прологах; а Патерик сочинен в XIII веке» [7]. В различных главах «Истории» Н.М. Карамзина мы можем встретить ссылки на жития достаточно редко, в основном, в примечаниях. Так деяния русской святой княгини Ольги изложены автором на основании летописи Нестора. Для сравнения с текстом летописи Н.М. Карамзин указывает на один факт, не согласующийся между житием и летописью, при этом житие мнится ему менее достоверным. Н.М. Карамзин пишет: «В особенном ее житии и в других новейших исторических книгах сказано, что Ольга была Варяжского простого рода и жила в веси, именуемой Выбутскою, близ Пскова; что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею; увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам. Обыкновения и нравы тогдашних времен, конечно, дозволяли Князю искать для себя супругу в самом низком состоянии людей, но мы не можем ручаться за истину предания, неизвестного нашему древнему Летописцу, иначе он не пропустил бы столь любопытного обстоятельства в житии Святой» [7:95]. И еще один пример: «К сим достоверным известиям о бытии Ольгином в Константинополе, – пишет Н.М. Карамзин о принятии Ольгой даров от императора, – народное баснословие прибавило в нашей древней летописи невероятную сказку, что Император, плененный ее разумом и красотою, предлагал ей руку свою и корону; но что Ольга – нареченная в святом крещении Еленою – отвергнула его предложение ... Во-первых, Константин имел супругу; во-вторых, Ольге было тогда уже не менее шестидесяти лет. Она могла пленить его умом своим, а не красотою» [7:117]. Таким образом, обозначенный «особенный» текст жития и народное предание куда менее предпочтительны для Н.М. Карамзина как исторический источник в сравнении с Нестором. Кроме того, факты жития легко подвергать сомнению, если рассмат-

ривать их в приближении к историческому контексту (пример с возрастом Ольги).

Если историческое содержание житий мало востребовано в «Истории» Н.М. Карамзина, то вот вопрос об их литературной ценности решается автором положительно. Приведем некоторые примеры: Т. III. – «Суздальский Святитель, блаженный Симон, и друг его, Поликарп, Монах Лавры Киевской, описали ее достопамятности и жития первых Угодников слогом уже весьма ясным и довольно чистым» [7: Т.3; С.120]. Т. VII. – «Словесности примечались в чистейшем слоге летописей, пастырских духовных посланий, святых житий... Старец, Архиепископ Ростовский Вассиан, мог назваться Демосфеном сего времени, если истинное красноречие состоит в сильном выражении мыслей и чувств... Житие Святого Даниила Переяславского писано не без искусства, умно и приятно» [7: Т.VII–VIII; С.122–123]. Т. X. – Н.М. Карамзин, рассматривая поле словесности от времени от Иоанна до Годунова, отмечает, что она «не представляет нам богатой жатвы, ... но язык украсился какою-то новою плавностию. Лучшими творениями сего века в смысле правильности и ясности должно назвать Степенную книгу, mineю Макариеву и Стоглав... Патриарх Иов описал житие, добродетели и кончину Феодора слогом цветистым и не без жара» [7: Т. IX–X. – С. 378–379.].

То, что Н.М. Карамзин редко привлекал в тексте свидетельства житий, вовсе не означало, что с данной категорией древнерусских текстов ученый был мало знаком. О внимании Н.М. Карамзина к рукописным житиям и сборникам житий можно составить представление по источникам иного рода. Прежде всего, важны черновые материалы к его работам, а также некоторые источники личного происхождения. Наше внимание привлекла переписка Н.М. Карамзина, которая была опубликована в издании Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук [8]. В нескольких письмах к К.Ф. Калайдовичу Н.М. Карамзин упоминает о рукописном Патерике, который он просит прислать ему для изучения и показа графу С.П. Румянцеву [8: 444]. В письме, датированным 1 мая 1819 года, Н.М. Карамзин просит К.Ф. Калайдовича обратить внимание на оригинал Пролога, из которого последний делал выписки для автора «Истории». «О кресте Ольгином говорится и в печатном Прологе, – пишет Н.М. Карамзин. – Сын Мстиславов был Изяслав, а не Мстислав: не описка ли это? Загляните в подлинник. Буду ждать выписки из жития Антониева, сочиненного Царевичем Иваном Ивановичем» [8:445–446]. Эти и некоторые другие письма могут лишь частично дать нам представление о технике работы Н.М. Карамзина над житиями.

Еще одним свидетельством работы Н.М. Карамзина с агиографическим материалом служит историческая повесть «Марфа Посадница, или покорение Новгорода» [9]. О том, что работа была написана ученым с использованием агиобиографии в качестве историко-литературного источника, свидетельствует статья, помещенная в «Вестнике Европы» (№ 12, 1803 г.) под названием «Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития святого Зосимы» [9: 227–231]. Несмотря на многообещающий характер статьи, Н.М. Карамзин ограничился кратким поэтическим воспеванием характера Марфы Борецкой и пересказом одного «любопытного фрагмента» из жития Зосимы Соловецкого [10]. В тексте жития есть рассказ агиографа о том, что святитель обратился к боярыне за помощью от напастей со стороны ее подданных, «творящих пакости монастырю его», но был изгнан из дома без какого-либо ответа. Фрагменты жития ученый дополняет собственными комментариями, иногда расходится в своих толкованиях с источником, внося в пересказ, как отметила С.В. Минеева, «свою собственную историко-политическую концепцию» [11]. Факты жития, по мнению ученого, указывают на существование народной «героини» Марфы; ее первоначальное неприятие святого связано с тем, что Зосиму оклеветали, поэтому и не захотела принять его в своем доме. Позднее «сия пылкая женщина, – пишет Н.М. Карамзин, – устыдясь своей несправедливости, решилась загладить ее блестящим образом – дала великолепный обед – пригласила знаменитейших бояр новгородских и Зосиму – встретила его с великими знаками уважения, ... отдала Соловецкому монастырю большую деревню на реке Суме» [12]. Таким образом, в данной статье мы не находим какого-либо исторического исследования текста, кроме его пересказа, явившегося для нас небольшим свидетельством употребления в творчестве Н.М. Карамзина житий святых. Характеризуя отношение ученого к житиям, мы остановимся на двух основных замечаниях: ученый привлекал жития как дополнительный источник к биографиям русских святых, выверяя текст летописи Нестора, в работе он также оценивал агиобиографии с точки зрения литературной.

Другой русский ученый, Михаил Петрович Погодин (1800–1875 гг.) [13], многое унаследовал от своего старшего современника Н.М. Карамзина. Как отмечают историки, «историческое чувство в юном Погодине было развито во многом благодаря историческим отрывкам, повестям Н.М. Карамзина и первым томам «Истории государства Российского» [14]. В 1825 году М.П. Погодин преподнес свою диссертацию Н.М. Карамзину, а конце 1825 года в Петербурге лично ему представился. В повестях историка, написанных в это время, ощущаются традиции карамзинской прозы. Впоследствии М.П. Погодин будет оспаривать отдельные выводы Н.М. Карамзина, однако в

целом, критикуя методические принципы Карамзина-историка, Погодин остается последователем его основной исторической схемы. В 1866 г. Погодин издал книгу «Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии» – фундаментальный труд, канонизировавший образ Карамзина как первого русского национального историографа [14].

Теперь несколько слов о том, каковы заслуги самого М.П. Погодина в области критической агиографии. Это археографические, текстологические и исторические исследования. Прежде всего обращают на себя внимание небольшие статьи, посвященные преподобному Феодосию и его «Житию», написанному летописцем Нестором: «Святой игумен Феодосий» [15] и «Несторово житие святого Феодосия как исторический источник» [16]. Эти публикации можно назвать элементом научной полемики в «вопросе о Несторе», решаемом в русской историографии этого периода [17]. Статьи М.П. Погодина представляли собой обзор содержания жития Феодосия с характеристикой памятника в целях установления времени его написания и личности автора. Часть ученых, в том числе и сам М.П. Погодин, высказывалась за атрибуцию жития Феодосия авторству Нестора.

В научной работе М.П. Погодина мы можем найти некоторое сходство с подходом к житиям Н.М. Карамзина; их обоих интересовали в первую очередь те источники, которые были наиболее пригодны для реконструкции отечественной истории, прежде всего летописи. Так, в статье В.А. Кошелева есть интересное упоминание о работе М.П. Погодина в августе 1841 г. в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре с целью сбора рукописей для своего Древлехранилища. Автор статьи, описывая эту поездку, цитирует интересные фрагменты из Дневника ученого: «После нескольких церковных рукописей, – писал Погодин, – вытаскиваю одну в древнем переплете... Харатейная ... разворачиваю... первое слово попадает под глаза Мстислав, потом Изяслав... я так и обмер от радости, колена у меня подогнулись... Верно, какая-нибудь летопись: где же могут случиться такие имена? Но у меня не было силы перевернуть листы и посмотреть ее начало... с трепещущим сердцем, дрожа, как в лихорадке, подал я рукопись преосвященному... Он начал перелистывать. Увы! Это только «житие Бориса и Глеба» среди поучительных слов и житий. Впрочем, рукопись древняя и примечательная» [18]. Как мы видим, летописный материал был для ученых более интересен.

Еще одним сходством «творческой мастерской» Н.М. Карамзина и М.П. Погодина является все та же Марфа Борецкая, точнее, изданная в 1830 году драма М.П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская». В стихотворной трагедии М.П. Погодин, следуя формуле Карамзина («Иоанн III был достоин сокрушить утлую вольность Новго-

родскую), дал полемическую по отношению к декабристской героизации Новгорода картину драматического столкновения логики истории и «частных» стремлений. Как и его предшественник, ученый обратился к непосредственному тексту жития Зосимы, взяв из него и истолковав по собственному усмотрению некоторые фрагменты, в частности пророчество Зосимы [11:253–254].

Таким образом, эти краткие «зарисовки» о работе двух известных ученых XIX века над житиями лишь приоткрывают завесу сложности исторической работы в «творческих лабораториях» ушедшей эпохи. Прежде, чем жития святых превратились в исторический источник, необходимо было накопить определенный опыт анализа иных источников и применить филологическую критику жития к практике исторических реконструкций, поэтому первые попытки использовать жития в качестве источника принадлежат специалистам в области историко-филологических исследований.

Примечания:

1. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : Пособие к лекциям, читаемым студентам С.-Петерб. ун-та в... г. Вып. [1]-2. СПб. : Студ. изд. ком. при Ист.-филол. фак., 1910–1913. Вып. II. С. 366.
2. Лызлов А.И. Скифская история / Подгот. текста А.П. Богданов. Отв. ред. Е.В.Чистякова. М.: Наука, 1990. С. 7.
3. Джаксон Т.Н. Миллер Герарг Фридрих // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 17.
4. Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб. : тип. А.А.Стасюлевича, 1882. С. III.
5. Некрасов, И.С. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Ч. I. Одесса: тип. Францова, 1870. С. 2.
6. Буслаев Ф.И. Разбор сочинения Н. И. Костомарова под заглавием: «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» // Тридцать первое присуждение учрежденных П.Н.Демидовым наград. 25 мая 1862 года. СПб. : тип. Академии наук, 1862. С. 129–166.
7. Карамзин Н.М. История государства Российского: в XII т. М: Московский рабочий, 1993 г. Т.I [Предисловие]. С. 25.
8. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву / Издано по поручению Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук с примечаниями и указателем Я. Грота и П. Пекарского. СПб. : в тип. Императорской академии наук, 1866. [X], 727 с.
9. Карамзин Н.М. Марфа Посадница, или покорение Новгорода // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. – М.; Л. : Художественная литература, 1964. Т.2. С. 680-728.
10. Титов А.А. Житие и подвиги преподобных отец наших Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцев : [По рукописи XVII века]. М. : И.А. Вахрамеев, 1889. [4], 68 с.
11. Минеева С.В. Об использовании житийного источника Н.М. Карамзиным // / Русская литература XIX века и христианство. М. : Изд-во Московского университета, 1997. С. 246-256.

12. Карамзин Н.М. Известие о Марфе-посаднице, взятое из жития св. Зосимы // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. / вступ. ст. П. Беркова, Г. Макогоненко. М.; Л. : Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 228–229.

13. Часть фонда источников к биографии М.П. Погодина находится в Отделе Рукописей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН: Ф. 26; 18 ед. хр.; 1826–1876 – это статьи, автобиография и переписка М.П. Погодина.

14. Примечания к опубликованному Письму М.П. Погодина издателю // Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006.

15. Погодин М. П. Святой игумен Феодосий // Москвитянин, 1850. Кн. 23. декабрь. С. 169.

16. Погодин М. П. Несторово Житие св. Феодосия как исторический источник / [Соч.] М. П. Погодина. СПб. : тип. Академии наук, 1861. [2], 31 с.

17. [Погодин М.П.] Письмо профессора Казанского к М. Погодину о некоторых предметах, относящихся до русской истории // Москвитянин. 1849. Ч. II. № 5, Отд. VI. С. 11–13. В письме П.С. Казанского высказано мнение о принадлежности первоначальной летописи и жития одному автору – Нестору; [Н. Н.] Странное недоумение [Текст] // Русский вестник, 1861, т. XXXII, апрель; Отдельный оттиск. СПб.: тип. Академии наук, 1861. 31 с. Возражение против мнения М.П. Погодина о времени написания жития Феодосия и летописи Нестора. Критика предложенных Погодиным толкований отдельных слов и выражений из жития Феодосия; Казанский П.С. Еще вопрос о Несторе. Можно ли думать, что писатель Жития преподобного Феодосия Печерского и летописи, известной под именем Несторовой, есть одно и то же лицо? // Вестник ОИДР, 1849. Кн.1. Отд.1. С. 23–30. Казанский П.С. Разбор ответа г-на П. Б. на новый вопрос о Несторе // Отечественные записки, 1851. Т. LXXIV (январь). Отд. VIII. С. 80–99. (Ответ на статью П. Б[уткова] «Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском» (Современник, 1850, сентябрь). Сличение текстов жития и «Сказания об убиении Бориса и Глеба» с Летописью в целях доказательства.

18. Кошелев В.А. Из Вологодских давностей // Вологда : истор. краевед. альманах / Адм. г. Вологды, Вологод. гос. пед. ин-т, Вологод. гос. ист.-архитект. и худож. музей-заповедник. Вологда : Русь, 1997. (Старинные города Вологодской области). Вып. 2. С. 243–244.

UDC 908

HAGIOGRAPHY AS HISTORICAL SOURCE OF N.M. KARAMZIN AND M.P. POGODIN STUDIES

Olga V. Gzhibovskaya

PhD (History), Assistant Professor

Sochi State University for Tourism and Recreation

26a Sovetskaya Str., Sochi city, 354000, Krasnodar Region, Russia

Article examines hagiography as historical source, basing on N.M. Karamzin and M.P. Pogodin works.

Keywords: hagiography, N.M. Karamzin, M.P. Pogodin, historical source.